

«Ильенковские чтения». Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2016. С. 86-90.

Финогентов, 2015 – *Финогентов В. Н.* Человек на грани небытия: Философские этюды. Орел: Полиграфическая фирма «Картуш», 2015. 248 с.

Финогентов, 2023 – *Финогентов В. Н.* Возможно ли решение философских проблем методами и средствами специальных наук? / Финогентов В.Н. Будущее: наше и не наше: Философская мозаика. Орёл: Издательство «Картуш», 2023. С. 157-173.

Фрит, 2012 – *Фрит К.* Мозг и душа: Как нервная деятельность формирует наш внутренний мир. М.: Астрель: CORPUS, 2012. 335 с.

Фуко, 1994 – *Фуко М.* Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб.: А-сэд, 1994. 407 с.

Цапкин, 2009 – *Цапкин В.Н.* Личность как группа / Психология личности. М.: АСТ: Астрель, 2009. С. 74-80.

УДК 101.1:316.

Муснец П. В.,

*кандидат философских наук, доцент,
кафедра военно-политической работы в войсках (силах),
Военная академия воздушно-космической обороны
имени Маршала Советского Союза Г. К. Жукова*

Альтеральность в контексте процессов субъективации

DOI: 10.33979/2587-7534-2024-3-47-54

Статья посвящена социально-философскому анализу альтеральности как атрибута социального субъекта в его динамическом аспекте. Автором рассматриваются различные виды альтеральности в контексте процессов субъективации. Подчёркивается затруднённая познания Другого и взаимопонимания в условиях перманентной изменчивости социального субъекта. Сформулированы выводы о роли альтеральности в пространстве бытия социального субъекта на групповом и индивидуальном уровнях. Указаны основные направления реализации рассматриваемого подхода в современном мире.

Ключевые слова: *альтеральность, социальный субъект, субъективация, Другой, социальная реальность, виды альтеральности, гетерология, инаковость.*

Musiets P. V.,

*Candidate of Philosophy, Docent,
Associate Professor of Department of military-political work*

*in the troops (forces), Military Academy Air and Space Defense
named after G. K. Zhukov*

Alterity in the context of subjectification processes

The article focuses on the socio-philosophical analysis of alterity as an attribute of a social subject in its dynamic aspect. The author considers various types of alterity in the context of subjectification processes. The difficulty of knowing the Other and mutual understanding in the conditions of permanent variability of the social subject is emphasized. Conclusions are formulated about the role of alterity in the space of being a social subject at the group and individual levels. The main directions of implementation of the considered approach in the modern world are indicated.

Keywords: *alterity, social subject, subjectification, Other, social reality, types of alterity, heterology, otherness*

Перманентная текучесть социальности, ускорение исторического времени добавляют динамизма и актуальному философскому дискурсу. Темпоральные характеристики социальных процессов активно вторгаются в социальную онтологию, затрагивая фундаментальные понятия и категории классики. В связи с этим возникает настоятельная необходимость переопределения данных категорий в терминах социальной динамики, характеристики их основных атрибутов. Одним из таких понятий оказывается категория «субъект», рассматриваемая в её социальной ипостаси. Социальный субъект в постмодернистском дискурсе предстаёт как сингулярность, вписанная, вовлечённая в бесконечный процесс становления, испытывающая (осуществляющая) постоянное смещение относительно себя прежнего. Преобладание тенденций процессуализации влечёт за собой трактовку субъекта как длящейся субъективации, «схватывание» сущностных свойств которой затруднено в силу изменчивости, альтеральности, гетерогенности исследуемого феномена. В то же время именно указанные свойства и оказываются подлинными атрибутами социального субъекта в его динамическом аспекте. Их недостаточная исследованность подчёркивает актуальность рассматриваемой проблематики и детерминирует цель данной работы – охарактеризовать феномен альтеральности в контексте процессов субъективации.

Теоретической основой исследования стали труды современных западных философов: Ж. Деррида, М. Бланшо, Ж.-Л. Нанси, Ж. Батая, Э. Левинаса и др. Среди отечественных исследователей рассматриваемой проблематики наиболее интересны труды М. Бахтина, П. Гуревича, Т. Керимова, И. Красавина и др.

Методологическую основу исследования составили общенаучные методы анализа, синтеза, проблематизации, индукции, дедукции. При исследовании альтеральности мы опирались на концепцию гетерологии и присущую ей

методологию, предполагающую исследование социальных субъектов в их плюралистичности и динамизме.

Всё большее ускорение социальной жизни неизбежно приводит к тому, что в философском дискурсе также начинает преобладать динамический нарратив. Исследование различных аспектов бытия осуществляется с позиций гетерологии – философской концепции, предполагающей множественность и изменчивость социальности. Социальный субъект также процессуализируется, предстаёт как делящаяся субъективация / индивидуация: «поскольку абстрактное представление индивида в виде общего понятия вневременно, точности ради необходимо ввести в рассуждение об индивиде временное измерение – представить его как процесс» [Красавин, 2019: 150]. Взаимоотношения *Я* и *Другого* ставятся «во главу угла» [Керимов, 1999]: *Другой* сущностно необходим для конституирования *Я*, причём *Я* и *Другой* не образуют синтетического единства в познании, а всегда находятся в отношении альтеральности (англ. «alterality» – «инаковость») – текущего различия / различения субъектов в динамическом аспекте социального бытия. Иными словами, *Другой* есть предпосылка, условие возникновения *Я*, но условие динамическое, возникающее в процессе взаимодействия, коммуникационного контакта как связи между двумя нетождественностями, «где *Я* и *Другой*, по логике «соответствия в форме несоответствия», обособляются в порядке совместности» [Керимов, 1999].

Негарантированность связи с другими элиминирует возможность достоверности межсубъектных отношений: отсутствие сомнений в существовании *Другого* сопряжено с неуверенностью в подлинности собственного *Я*. Но тогда и межличностная связь есть связь между «нетождественностями», связность в модальности экстимности, рассматриваемой нами как «совокупность практик по вовлечению отношений интимности в сферу визуально доступного, сознательно показного и целенаправленно демонстрируемого» [Шаров, 2019: 141]. Здесь *Я* и *Другой* суть две стороны «складки» – связь в форме несвязности: «обращение на себя означает обращение к другому. Полюса смещаются: внутреннее всегда есть внешнее, но одновременность данности стирает их как таковые» [Керимов, 1999]. Тогда существование *Я* требует «показанности» *Другому*: «существование есть абсолютность не-сущностной экспозиции, или показа» [Нанси, 1994: 156]. В таком случае *Мы* – это те, кто выставляет себя напоказ. А это, в свою очередь, предполагает существование в качестве поверхности – и снова метафора «складки»: бинарная оппозиция внешнего / внутреннего элиминируется, представая в образе ленты Мёбиуса. Интервал, образуемый между «нетождественностями», сохраняет способность действовать, что, в свою очередь, рождает индивидуальность как таковую.

Обратной стороной перманентной выставленности напоказ является медийность, виртуальность социальной реальности. Альтеральность обретает специфические стороны: *Другой* как репрезентация (то, что демонстрируется вовне, сознательно и бессознательно), *Другой* как перцепция (в преломлении

через личность воспринимающего), *Другой* как объективная реальность (в её динамическом понимании). При этом последний аспект альтеральности оказывается наиболее уязвимым: под вопросом оказывается не только *Другой*, предстающий в своей бесконечной удалённости и асимметричности отношений с *Я* («бесцельная растрата» (Ж. Батай [Bataille, 1967]), «трангрессия» (М. Бланшо [Blanchot, 1993]), «безвозвратный дар», «неблагодарность Другого» (Э. Левинас [Левинас, 2000]), бесконечная гетерогенность *Другого* без онтологически привилегированной самоидентификации (Т. Керимов [Керимов, 1999])), но и сама реальность как таковая в своей текучести, динамичности, гетерохронности.

Бесконечное изменение проблематизирует не только возможность познания *Другого*, но и феномен взаимопонимания как таковой. Между тем, «отношение к *Другому* – это прежде всего и преимущественно отношение смысла: через него феномен значения привносится в бытие» [Вдовина, 2003]. Поэтому отсутствие экзистенциального коммуникативного взаимодействия между социальными субъектами приводит к невозможности глубинного понимания сущности социального бытия в целом и *Другого* в частности: «человек никогда не найдёт всей полноты только в себе самом» [Бахтин, 1979: 208], «чтобы сохранить себя, ощутить окликнутость бытием, надо впитать в себя живые, взволнованные голоса других» [Гуревич, 2004: 115]. Бытие диалогично по своей сути. Подлинность диалога почти невозможна в условиях постсовременного социума, однако именно она способна обеспечить превращение *Другого* из безликого *Он* в интимное *Ты*.

В рамках дихотомии *Он/Ты* альтеральность расщепляется на субконтрарную и контрадикторную. Контрадикторная альтеральность предполагает прямое противопоставление *Я* и *не-Я* как констатацию факта наличия других субъектов без выделения их качеств и свойств. *Другой* выступает в нейтральной позиции как *Он* (условно, безотносительно пола – *Он*, другой человек). Это отнoгенетически первичный вид альтеральности, проявляющийся в раннем детстве, когда ребёнок начинает выделять себя из окружающего мира. Внутренние качества *Другого* становятся особенно актуальными в подростковом возрасте, когда возникает острое желание быть «как все» и, одновременно, быть особенным, уникальным. И тогда «Я прячется в другого и других, хочет быть только другим для других, войти до конца в мир других как другой, сбросить с себя бремя единственного в мире (я-для-себя)» [Бахтин, 1986: 371]. Это становится отправной точкой анализа свойств *Другого*, что порождает вид альтеральности, который можно условно назвать субконтрарным. Субконтрарность (частичная совместимость) предполагает частичное пересечение в наборе внутренних качеств субъектов, однако их констелляция и интенсивность могут быть различны. В данном случае *Другой* «нам дан в непосредственном опыте своей друговости, своей инаковости» [Деррида, 1991: 35]. Инаковость каждой индивидуальности фундирует её дуальность, порождая эффект совместности как форму, «в какой бытие

разыгрывается как таковое. *Я* есть, только если я могу сказать *Мы*» [Керимов, 1999].

Очевидно, что социальное бытие не ограничивается дуальностью взаимных отношений. Помимо *Я* и *Другого* в пространстве социальной реальности присутствуют *Они* как коллективный субъект друговости, «общество *Других*». Существовать – значит со-существовать. Мы существуем, что значит – мы со-существуем. Общество функционирует как автореференциальное «бытие-с-другими». Такому обществу соответствует восклицательный дискурс, «эксплозивная коммуникация» (Бланшо), в основании которой лежит не язык, смысл или истина бытия, а выставление к собственным границам. Человек и сам является такой границей, в силу чего «связь в форме несвязности», осуществляемая индивидами, устанавливается на границе – в пространстве «между»: «совместность реализуется в этом «в», в этом «между» общим и единичным, прерывным и непрерывным, тождеством и различием, согласно которому даётся «со-ответствие». Совместность реализуется в этом «со-ответствии», поскольку оно опространствливает, а опространствливая, открывает непрерывность. «Вместе» предстаёт не как субстанциональное образование или отношение, а как гетерологическая модальность [Керимов, 1999] – «пространство не-пребывания-тем-же-самым и пребывания во взаимном показе: эта экспозиция, или совместность ... есть некоторый предел в том смысле, что граница совмещает две разные вещи или два разных участка. Она совмещает их, но также разделяется «между» ними. Она одна и две одновременно, она «внутри» и «вовне», она закрыта и открыта» [Нанси, 1994: 162.].

На социальном уровне взаимодействия также сохраняется градация альтеральности на субконтрарную и контрадикторную. В первом случае налицо отношение нейтральности, предполагающее констатацию факта существования некой социальной группы, иной по отношению к той, членом которой является субъект. Во втором случае включаются эмоциональные процессы оценки, приобретающие положительную либо отрицательную окраску. Позитивный настрой фундирует отношения сотрудничества, международной дружбы и братства народов планеты, негативный же рождает ксенофобию, нетерпимость, шовинистические и расистские настроения и т. п. Однако следует помнить, что *Другой* – это «тот, по которому я выверяю своё бытие» и огульное неприятие его точки зрения обедняет *Я* и грозит саморазрушением: «в монологической системе *Другой* в конечном счёте непременно враг и подлежит уничтожению. Но устраняя чужое бытие, я затрагиваю основы и собственного существования. *Я* обречён, как только разорвал связи с другими» [Гуревич, 2004: 116]. Одновременно абсолютизация толерантности также чревата тотальной индифферентностью, без-различием и, в конечном итоге, антигуманностью как таковой.

Совместность предполагает дезистенцию – утрату экзистенциальной тождественности, эксплицирующуюся как со-держание собственной индивидуальности как инаковости, несубстанциональности каждой

индивидуальности и её отношений с другими. В со-бытии «Я не могу быть Другим, поскольку Я всегда Другой, инаковость суть основание моего существования» [Жеримов, 1999]. Это даёт возможность выделить автоальтеральность как вид альтеральности, который предполагает инаковость по отношению к самому себе (*Я-как-другой-для-себя*), перманентную автотрансформацию: «Мы: суть каждый раз другой, каждый раз с другими» [Нанси, 2004: 64]. Автоальтеральность рождается в процессе автокоммуникации, предполагающей внутренний диалог субъекта с самим собой, со своим Alter ego. Однако следует отметить, что в повседневности отсутствует осознанное разделение себя на Я и Другого одновременно. Я расщепляется подобным образом лишь в патологических случаях, в норме же действует «презумпция тождественности Я», предполагающая целостность и относительную константность личности. На социальном уровне автоальтеральность также присутствует в виде фиксации неоднородности, внутригрупповых различий.

Рассмотренные выше положения дают возможность сделать следующие выводы:

1. Альтеральность предстаёт как синтетическая категория, охватывающая триаду *Другое-Инаковое-Чужое* и выражающая отношение между Я и не-Я. Это имманентная характеристика социального субъекта, предстающего в своём динамическом аспекте как делящаяся субъективация. Другой предстаёт не только как динамическое условие возникновения Я, но и сам субъект в условиях «текучей современности» оказывается всегда *Другим-для-себя*, постоянно смещаясь относительно себя прежнего. Это фиксирует наличие автоальтеральности как инаковости по отношению к самому себе.

2. Отношение Я и Другого предстаёт как связь в форме несвязности, а сами субъекты социального взаимодействия выступают сторонами «складки», настоятельно требующей «показа», экзистенции, экспозиции себя. В то же время, перманентная выставленность напоказ порождает медийность, виртуальность социальной реальности, в которой Другой может эксплицироваться в трёх ипостасях: как репрезентация, как перцепция и как объективная реальность.

3. Гетерогенность социального субъекта затрудняет процессы межличностного и межгруппового взаимопонимания, однако подлинный диалог как экзистенциальная основа человеческого бытия способен обеспечить превращение Другого из безликого Он в интимное Ты. В рамках данной дихотомии возможно выделение контрадикторной (констатация факта наличия Другого) и субконтрарной (выявление инаковости относительно конкретных свойств «оппонента») альтеральности.

4. Помимо Я и Другого в пространстве социальной реальности присутствуют Они как коллективный субъект друговости. Совместное бытие (со-бытие) предполагает дезистенцию и осуществляется в пространстве «между» – «на границе», коей является сам человек. Другой в его социальном аспекте – также необходимая часть реальности, блокировка коммуникации с

которой грозит глобальными негативными последствиями. В современном мире тенденции многополярности, равноправного диалога культур и народов имеют более конструктивный характер, чем противоположные им.

Таким образом, альтеральность в контексте процессов субъективации предстаёт многоплановым феноменом. Выделение различных её видов способствует дальнейшей разработке не только собственно концепта альтеральности, но и гетерологической парадигмы в целом, а также углубляет философское осмысление сущности социального субъекта. Характеристика последнего в условиях (пост)современного мира не может обойти вниманием феномен альтеральности, выступающий подлинным атрибутом социального субъекта в его динамическом аспекте. Особое значение альтеральность приобретает в контексте глобальных социальных процессов сегодняшнего дня: необходимо помнить о неоднородности мирового сообщества, уникальности разных культур и народов. Попытки изоляции того или иного государства обедняют международную коммуникацию, подрывают экзистенциальные основы мирного сосуществования, ограничивают достижение взаимопонимания, межгосударственного консенсуса, установления единых стандартов в оценке тех или иных событий мирового и локального масштабов. Экспликация альтеральности в качестве атрибута социального субъекта (как индивидуального, так и группового) способствует его пониманию как уникальной сингулярности, неповторимости которой фундирует особую ценность как единичной человеческой жизни, так и социума в целом. Проблематизируя процессы взаимного познания и понимания, альтеральность одновременно актуализирует поиск решения возникающих проблем и преодоления препятствий, стоящих на пути подлинной взаимности.

Список литературы

Бахтин, 1979 – *Бахтин М. М.* Проблемы поэтики Достоевского. М.: Советская Россия, 1979. 320 с.

Бахтин, 1986 – *Бахтин М. М.* Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. 445 с.

Вдовина, 2003 – *Вдовина И. С.* Э. Левинас и Э. Гуссерль // История философии. № 10. М.: ИФ РАН, 2003. URL: https://iphras.ru/elib/HP10_7.html (дата обращения: 10.02.2023)

Гуревич, 2004 – *Гуревич П. С.* Проблема целостности человека. М.: ИФ РАН, 2004. 178 с.

Деррида, 1991 – *Деррида Ж.* Московские лекции. 1990. Свердловск: Институт философии и права УрО РАН, 1991. 89 с.

Керимов, 1999 – *Керимов Т. Х.* Социальная гетерология: методология и теория исследования: автореферат дис. ... докт. филос. наук: 09.00.11. Екатеринбург: Уральский государственный университет им. А. М. Горького, 1999. 44 с. URL: https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_RU_NLR_bib1_1179836/ (дата обращения: 2.10.2023)

Красавин, 2019 – *Красавин И. В.* Устройство сборки, или симуляция онтологии у Мануэля Деланда. Социология власти, 2019. № 31 (2). С. 136–154.

Левинас, 2000 – *Левинас Э.* Избранное. Тотальность и Бесконечное. М.; СПб.: Университетская книга, 2000. 416 с.

Нанси, 2004 – *Нанси Ж.-Л.* Бытие единичное и множественное. Минск: Логвинов, 2004. 272 с.

Нанси, 1994 – *Нанси Ж.-Л.* Сегодня // Ad Marginem'93. Ежегодник Лаборатории постклассических исследований ИФ РАН. М. : Ad Marginem, 1994. С. 148-164.

Шаров, 2019 – *Шаров К. С.* Экстимность как разновидность символического обмена в постсемейных неолиберальных обществах: особенность социального феномена и специфика его форм // Вестник Томского государственного университета Философия. Социология. Политология. 2019. № 49. С. 140-152.

Bataille, 1967 – *Bataille G.* La Notion de dépense // La Part Maudite. Paris, Les Éditions de Minuit, 1967. 232 p.

Blanchot, 1993 – *Blanchot M.* The Infinite Conversation. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1993. 471 p.

УДК: 1+130.2

Ищенко Н. С.,

*кандидат философских наук, доцент, кафедра философии,
ЛГАУ имени К. Е. Ворошилова.*

Пилавов Г. Ш.,

*кандидат философских наук, доцент, кафедра философии,
ЛГАУ имени К. Е. Ворошилова.*

Четыре религиозных системы в сериале «Мир Дикого Запада»

DOI: 10.33979/2587-7534-2024-3-54-70

В статье анализируются религиозные идеи сериала «Мир Дикого Запада». Раскрываются смыслы лабиринта как места обретения самосознания и пространства языческих жертвоприношений. Показано, что в сериале создание мира и человека демонстрирует черты различных религиозных систем: ветхозаветного монотеизма, зороастрийского дуализма и христианства. Проведены параллели между развитием сюжета второго сезона и библейским сюжетом Исхода. Проанализирован символизм Вавилонской башни в третьем и четвертом сезоне сериала, а также концепция христианской жертвы, данная средствами технологий в постхристианском мире.